

АЛЕКСАНДР НУРИД: ГОРЕЦ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ

Ю. Ю. КАРПОВ

Вопрос взаимоотношений большого государства, государства-завоевателя с покоренными народами, интересный в разных отношениях в каждом конкретном случае, для российско-кавказских отношений по-особому актуален, так как исторический аспект здесь очень часто и едва ли не напрямую пересекается с аспектом современным. Публицистика, СМИ, да и сама жизнь регулярно выводят его на поверхность. Наука достаточно активно участвует в обсуждениях, предлагая те или иные интерпретации данного вопроса в «академическом» ракурсе, которые, тем не менее, целенаправленно либо обвиняют, но в общем контексте оказываются в резонансе со «злобой дня». Так, «теория» «российскости» и «совместничества» в истории взаимоотношений горцев Кавказа и России В. Б. Виноградова [1 и др.], имеющая целью внесение умиротворения в сознание современных «разноплеменных» людей нивелированием исторических ран, подчеркиванием совместного созидательного прошлого, как может показаться ни странным, его учениками подкрепляется активной разработкой темы природного хищничества горцев, проецируемого из XIX века в настоящее время [2; 3]. Историк Кавказской войны XIX в. (конкретно – истории российской армии в данной войне) заявляет, что всем, кроме военного конфликта в отношениях между Россией и народами Северного Кавказа в первой половине указанного века, можно пренебречь [4, 15]. Кавказовед, проникшийся идеями ориентализма, утверждает, что «изобретенный» европейской наукой и политической практикой великих держав Нового времени Восток обрел в России

«плоть» в первую очередь в лице кавказцев, и в результате местная сельская община, адатные суды и др. были якобы изобретены для «горцев-мусульман» чиновниками и учеными пред- и послереволюционного времени [5, 126-130]. В свою очередь среди современных интеллектуалов-горцев тема колониальной политики России на Кавказе (часто в самых худших ее проявлениях) является одной из главных. Диалог сторон часто выглядит предельно односложным, где рефреном звучит: «Сам такой...»

Представляется, что на деле все было сложнее. А люди, которым по долгу службы приходилось «работать» среди «туземцев», равно как и ученые, преимущественно отличавшиеся гуманистическим настроением в своих исследованиях, мало что «изобретали», оценивая реалии, с которыми имели дело, надлежащим, т. е. зримо наблюдаемым им образом. Подтверждением этому в частности являются документы, авторами которых были административные лица малоспокойной в 1860-1870-е гг. Терской области.

Недавно была опубликована «Пояснительная записка», составленная в апреле 1862 г. командующим войсками Терской области генерал-майором Д. И. Святополк-Мирским, в которой он высказал предложения по умиротворению края, в том числе рекомендуя ограничить использование военной силы, а для борьбы с «хищничеством» организовать полицию («внутреннюю стражу») из «туземцев» [6, 200-203].

Я остановлюсь на документах, составленных в это время другим лицом, чином ниже и занимавшим менее значительные должности в структуре власти Терской области. Речь идет об Александре Нуриде, ко-

торый в 1862 г. был назначен начальником Ингушского, а в 1865 г. – **начальником Кабардинского округа Терской области.**

Немного об этом человеке. К сожалению, немного, так как разыскать обстоятельные сведения о нем не удалось, к тому же биографические данные о нем, представленные в различных источниках, не совпадают.

В Российском государственном военно-историческом архиве имеется «Краткая записка о службе» Нурида, датированная январем 1878 г. [7] Согласно ей, Александр (официально его именовали Александр Александрович) Нурид «родился 24 августа 1826 г. **Из военнопленных горцев. Вероисповедания православного.** Воспитывался в доме полковника Бибикова. В службу вступил рядовым в Навагинский пехотный полк в августе 1847 г.»

В некрологе, опубликованном в газете «Терские ведомости» в связи с его кончиной, значатся отличные от указанных сведения. В нем говорится, что Нурид скончался 28 декабря 1880 г. **на 48-м году жизни** [8]. Соответственно, в это время ему должно было быть 47 лет, а дату рождения следует относить к 1833 году. Г. А. Кокиев, использовавший ту же публикацию для справки об А. Нуриде, в качестве даты его рождения указал 1832 год, и отметил, что в 1839 г. он был в семилетнем возрасте, при штурме русскими войсками Ахульго, оказался в плену [9, 234].

Далее сведения совпадают.

Ребенка в свою семью на воспитание взял командир Навагинского полка Бибиков. Род Бибиковых большой и известный. Однако в истории рода командир Навагинского полка Бибиков не упоминается. Отсутствует и сама история этого полка, так что установить имя данного человека затруднительно. Единственное, что удалось обнаружить в Интернете на сайте Северной Осетии, рассказывающем об улицах Владикавказа и в частности о Навагинской улице, это упоминание о погибшем в 1845 г. у сел. Герзель-аул командире навагинцев полковнике Бибикове (без инициалов), который был похоронен во Владикавказе.

Далее в архивной «Краткой записке» изложен подробный послужной список А. Нурида, и отмечено, что, начиная с 1847 г. и до 1861 г. **он регулярно участвовал** в походах против горцев. Службу начал унтер-офицером, в 1850 г. «за отличие в делах против горцев» был произведен в прапорщики, в том же году был командирован в 78-й пехотный Навагинский полк, с которым была связана большая часть его военной карьеры, но в разные годы служил также в Тифлисском гренадерском, пехотном Ставропольском полках, а также на Лезгинской кордонной линии. После исполнения обязанностей начальника Ингушевского и Кабардинского округов в 1869 г. вернулся в Навагинский полк уже в должности его командира; в 1873 г. стал воинским начальником укрепления Воздвиженского (располагавшегося в Чечне). В 1877 г., после успешных действий по подавлению восстания в Чечне, был произведен в генерал-майоры с назначением «состоять в распоряжении» главнокомандующего Кавказской армией. На момент составления «Записки» генерал-майор получал в год 1524 руб. жалования и 690 руб. квартирных, был холост, имущества не имел, и за все время службы «в штрафах и под судом не был». О наградах умалчивается, но отмечено, что ранен и контужен он также не был [7, 5-6]. Скончался А. Нурид в должности командира 2-й бригады 20-й пехотной дивизии [8].

Примечательно, что Александр Нурид, будучи военным, многое сделал на гражданской службе. Это естественно, так как на Терскую область распространялись основные элементы принятого тогда на Кавказе военно-народного управления, и административные должности занимали люди в погонах.

Нурид явился инициатором открытия в Назрани в 1864 г. «**двухклассного училища** для приходящих мальчиков». Под его непосредственным руководством в Кабарде в 1866-1867 гг. осуществлялась крестьянская реформа, результатом которой стало освобождение представителей зависимых сословий. Историк Г. А. Кокиев, в

сороковые годы опубликовавший подборку документов, связанных с этой реформой, отметил, что А. Нурид был «горячим сторонником» кабардинского дворянства и настаивал на предоставлении феодалам максимальных льгот при осуществлении соответствующих мероприятий [9, 234]. В этой связи надо заметить, что А. Нурид в указанном вопросе, как он сам признавался в рапорте начальству, ориентировался на обычай, бытовавший в Кабарде и предусматривавший освобождение «холопов» за выкуп. Соответствующий «обычай» отличался от Положения 1861 г. об освобождении крестьян в Центральной России, и его применение на Кавказе оспаривалось другими должностными лицами края [9, 134-136]. Впрочем, как отмечал сам Нурид в одном из донесений начальнику Терской области ген. М. Т. Лорис-Меликову, «холопам предложены удобоисполнимые условия и будущность их обеспечена наделом имущества, которое дает средства для первоначального обзаведения хозяйством... Холоп, который на основании народного обычая отходил от своего владельца с сравнительно огромной выкупной платой без ничего, должен быть доволен, если ему дают теперь вместо прежнего ничего весьма многое». Отпущенники, по инициативе Нурида, для «обзаведения собственного быта» на шесть лет освобождались от всех государственных повинностей [9, 134, 197].

В целом, нет оснований ставить под сомнение проделанную Нуридом работу по реализации этого сложного мероприятия, в ходе которой он, судя по всему, стремился принимать во внимание разные обстоятельства. Отдадим должное этому человеку за осуществленный им труд, который российское чиновничество, а возможно не оно одно, оценивало достаточно высоко, а именно как «лучший памятник благотворной деятельности этого человека» [8].

В настоящем случае я обращаю внимание на деятельность, которую Александр Нурид осуществлял в Ингушском округе, т.е. в начале своей карьеры администратора довольно высокого ранга. Там он про-

явил себя не только чиновником, но и политиком, стремившимся выстроить гражданский мир во вновь складывавшемся формате северокавказского общества.

1 сентября 1862 г. А. Нурид был «командирован для исправления должности начальника Ингушевского округа», а утвержден в этой должности в ноябре следующего, 1863 г. Во второй же половине декабря 1862 г., т.е. через три месяца с начала «исправления должности», с его разрешения (а возможно, и по его инициативе) в Назрановском обществе произошло собрание местных авторитетных лиц, посвященное «изменению обычаев», что было зафиксировано в документе [10].

Во вводной части этого документа говорилось: «Вполне сознавая несообразность с понятиями настоящего времени многих из существующих у нас, в Назрановском обществе, обычаев, и вред их для общества, мы ныне, 21-го Декабря 1862 года, с единодушного согласия в общем собрании, с разрешения Начальника Округа, определили сделать нижеследующие изменения».

Здесь нужно отметить, что «изменения вредных обычаев» при упрочении российской власти в туземных провинциях Северного Кавказа в это время были обычной практикой. К подобному призывал и осуществлял во вверенном ему управлению Осетинском округе Мусса Кундухов (осетин-мусульманин, большей частью известный как один из организаторов и активный исполнитель массового переселения горцев в Османскую империю). В преамбуле своего обращения к землякам Кундухов говорил: «Вступая в управление вами, я, посвятив себя постоянной заботливости и попечению о благосостоянии вашем, будучи одноземец ваш и зная хорошо все ваши народные обычаи, я нахожу их несоответствующими духу настоящего времени, очевидно для вас же самих обременительными и разоряющими домашнее благосостояние, также поддерживающими вражду, вместо доброго и Богом любимого согласия, как самого основного начала благоденствия народов, верующих единому Богу» [11, 56].

Схожие формулировки Александр Нурид использовал в своем рапорте на имя начальника Терской области, датированном летом 1864 года. Они будут приведены ниже. А сейчас перечислю главные вопросы, которые решались на этом собрании. Они были типичными для подобных мероприятий, ибо происходили в горско-кавказских обществах под надзором российской администрации.

В основном они касались преступлений уголовного характера: «Убийство и нанесение ран», «Кровная плата», «Дела о нанесении ран без увечья», «Дела о воровстве» и др. [10, 21об.-23об.]

Помимо преступлений уголовных на собрании обсуждались и дела гражданские. Относительно брака говорилось, что «с нынешнего... времени первым и неперменным условием брака полагается: свободная воля и непринужденное согласие не одного лишь мужчины, но и женщины, выходящей в замужество» [10, 20-20об.].

«Об отношении детей к родителям. Обычное право взрослых сыновей отбирать от отца имущество при жизни его и вопреки его желанию, а равно и оставлять престарелых отца и мать без всякого призрения и даже прогонять их из дому, ныне уничтожается» [10, 23об.-24].

Данная «статья» решения народного собрания – фиксация вполне неожиданного прежнего положения дел в семейных отношениях у народов Кавказа. «Неожиданного» в свете графаретных представлений о якобы безусловном почитании горцами старших и родителей по исконному народному обычаю. Впрочем, удивляться особенно не приходится, так как схожие примеры в Дагестане в начале XX в. фиксировал Гамзат Цадаса [12, 60].

Документ был подписан главными аульными старшинами, аульными муллами, почетными стариками, членами участкового и окружного народного судов и, наконец, начальником округа А. Нуридом [10, 20-24].

Повторю: скорее всего, подобные акции были предписаны всем лицам, испол-

нявшим должности начальников «туземных» округов покоренного края.

Что еще значимое следовало в деятельности А. Нурида после обретения им этой должности?

Менее чем через два года после начала исполнения должности, а именно в июне 1864 г., А. Нурид отправил начальнику Терской области рапорт «О мерах, принятых в течение 1863 и 1864 гг. в управлении Ингушевского Округа для возможного благоустройства в среде туземного населения». Описанию предпринятых властью конкретных мер предшествовала эмоционально изложенная вводная часть.

«Сознавая, что благосостояние общества неразрывно связано с степенью нравственного развития, выражающегося в формах его быта, нравов и обычаев, я, с первого же времени своего нынешнего назначения, сосредоточил все свое внимание на общественный быт туземцев и моею главною заботою служило возможное смягчение их варварских обычаев. Они тормозили дальнейшее саморазвитие туземцев и служили физическим препятствием к благоустройству туземного населения округа.

Гибкий нрав туземцев, весьма способный применяться к требованиям времени и обстоятельств, и, вместе с тем, характер упрямый при малейших насильственных мерах, с какими благотельными результатами не были бы оне связаны, природные свойства ума, далеко опередившие их нравственные качества и, в особенности быстрая сообразительность и явное понимание личной и общественной материальной пользы, – все это указывало на те меры, которые вели к достижению предложенной мною цели.

Без малейших побуждений, одними лишь беседами с доверенными людьми в обществе о вреде существовавших в нем обычаев и возбуждение в влиятельных людях полного сознания этого вреда и нравственного почетного долга служить обществу, быть главными проводниками всего лучшего и полезного для него, было подготовлено общественное желание об изме-

нении варварских обычаев, которые, при всей своей нелепости и грубости, глубоко сидели в убеждениях народа и освящены были закоренелой привычкой и старым временем. Копия подлинного описания измененных обычаев при этом представляется» [10, 7-7 об.].

Далее излагались основные предпринятые А. Нуридом и его помощниками меры по исправлению положения в означенной сфере. В значительной степени они сводились к изменению порядка судопроизводства и исполнения решений суда.

«С учреждением Ингушевского округа, – доносил Нурид начальнику области, – было принято в Управление 34 кровных дела и 143 различного рода тяжбных между туземцами. Дела эти вели свое начало с весьма почтенного времени и сгруппированная ими переписка обнаруживала их неугомонную живучесть. Понятно, дела эти служили весьма сложной и эластичной пружиной к возбуждению нескончаемых споров и ежедневных назойливых жалоб. В продолжение одного года, благодаря энергической деятельности суда, дела эти были окончены и претенденты удовлетворены. С решением дел, возбуждавших вражду между туземцами и отвлекавших их от мирных занятий, водворялись в обществе спокойствие, доброе согласие, тишина и порядок. Опыт доказал мне, что неотлагаемое и быстрое решение дел между туземцами должно служить главной заботой туземных правителей для предупреждения целого ряда последующих преступлений, исходящих большей частью из самых незначительных ссор и простых недоразумений... Одной из самых главных причин медленности судебного делопроизводства была уклончивость тяжущихся от явки в суд. Сотни предлогов, самых изворотливых, представляли ответчики для оттяжки дела. В таких нескончаемых отсрочках проходили месяцы и года, нарастала нетерпеливая ненависть истчиков, которые в таком положении находили предлог к легкомысленному, но поощряемому сомнению в силе начальства; неуловимая же ответная сторона в душе глумилась над его великодушностью

снисходительностью. Отсюда прямое следствие самоуправство и длинная нить новых варварских преступлений.

Приказ по округу: «За первую неявку в Управление виновный подвергается штрафу 5 руб., за вторую – 10, за третью – 15, а в четвертый раз дело решается по показанию одной стороны – **поставил** тяжущихся туземцев в весьма неприятную крайность. Не явиться в суд четыре раза значило подвергнуться трем штрафам и потерять дело без всякой защиты. На первый раз штрафы действительно поступали в управление, но так как никакие ухищрения и просьбы не могли спасти виновных от взысканий, штрафы за неявку почти прекратились и водворилась точная исполнительность по вызовам. На этом история не кончилась: поставленный в крайнюю необходимость являться в суд к первому требованию, туземец изобрел новое средство уклониться от решения дела: является в суд к назначенному времени и в присутствии истчика объявляет о своем нежелании **отдать дело на разбор** (здесь и ниже подчеркнуто в оригинале. – Ю. К.). Так как подобное объявление равнозначно с отказом от законного удовлетворения, виновного заарестовывали в надежде утомить его упрямство, но проходили недели и месяцы... Туземное упрямство наполняло собою тюрьмы, вероятно рассчитывая, что ничего нет вечного, а дело не подвигалось, и истчики приносили жалобу за жалобой во все инстанции народного управления. Применение того же распоряжения, что и за четвертую неявку в Управление, сломило упрямую волю тяжущегося туземца. Вызванному в суд ответчику объявляют, что при нежелании его передать дело на разбор, решение немедленно последует по показанию одной стороны. Далее, снимают показание с истца, который не стеснялся совестью и присутствием своего тяжущегося антагониста, не щадит правды и с вымышленными лживыми добавлениями рассказывает о деле. Ответчик с горячим нетерпением ждет окончания речи своего противника. Поставленный в крайность, в случае

упрямства, проиграть свое дело и понести значительный убыток и, кроме того, выведенный из терпения сложными показаниями истца, ответчик едва может дожидаться минуты, чтобы представить свое возражение и в свою очередь, в отмщение врагу [тяжущиеся туземцы – враги] изобретает самые лживые показания, по видимому, совершенно его оправдывающие. Нередко случается слышать от ответчика: “Все, что показал на меня такой-то, я буквально отношу к нему и жалуюсь суду, прося удовлетворения, больше мне нечего говорить”.

Никакое доброе увещание, никакое устрашение не действует на лживого туземца; слово скользит по нем бесследно, только строгое действие имеет смысл в его глазах. Сколько терпения и труда для расследования подобных дел между подобными тяжущимися. Но дело окончено, объявлено решение его и срок для удовлетворения истца. Здесь новое, самое большое затруднение: до назначенного к уплате срока, ответчик, для спасения своего имущества от ареста, скрывает все свое наличное состояние и объявляет себя банкротом. Ссылка за долги и неисполнение решения суда устранила и это главное препятствие. – Во вторых, безотлагательное решение дел между туземцами служит весьма серьезным вспомогательным средством к водворению тишины и спокойствия в обществе, устраняет повод к нелепым толкам о слабости начальства и следовательно – к вредному влиянию на умы туземцев» [10, 70б.-100б.].

В этом же рапорте А. Нурид докладывал о принятых мерах по «исправлению» положения женщин.

Особо были выделены «дела о следах». Что имелось в виду?

Данные дела сводились к тому, что, по сложившейся практике, в случае исчезновения у казаков скота, последние отправлялись на его поиски «по следам» и, доведя до какого-нибудь аула, «передавали» их местному старшине с возложением обязанности возместить ущерб.

В рапорте по этому поводу говорилось следующее.

«Доведши следы до какого-либо аула, казаки вызывали старшину и почетных аульных стариков, сдавали им след и отправлялись домой. Никакие убеждения жителей, что указанные и едва заметные конские или бычачьи ступни – следы их собственного [туземного] скота, выгоняемого на водопой или на пастьбу; никакие просьбы жителей – проверить сдаваемые следы, т.е. провести их обратно до места, откуда отбит у казаков скот, ничто не оставляло казаков. “Мы сдали вам след и ничего знать не хотим”, – было обыкновенным ответом казаков на все убеждения и просьбы туземцев. За сим, казаки, представив присяжные оценочные листы, получали неимоверно высокую плату, взыскиваемую с туземцев насильственными мерами. Где начало такого решения дел, и чье распоряжение дало его в руководство – я не мог добиться при всем своем старании. Но так как здравый смысл и чувство справедливости возмущались против порядка, который несколько не исключал злоупотребления одной стороны и не гарантировал интересы другой, я по долгу своему, не мог оставить без внимания дело, которое разрушительно действовало на благосостояние туземцев и неминуемо влекло за собой весьма прискорбные последствия...

Эта общественная кара эксплуатировала туземцев и в будущем грозила им совершенным разорением. Непомеренные взыскания с аулов следовали одно за другим, а затруднения в исполнении их, при всеобщей бедности туземцев и, в особенности при неимении денег, возбуждали беспрестанные жалобы казаков и ставили ближайшую исполнительную власть в весьма невыгодные отношения к высшей инстанции. Туземные жители целыми массами являлись в Управление с жалобами и с скрытым ропотом на несправедливые, по их мнению, требования начальства, а постоянный отказ усиливал в них чувства затаенного негодования и ненависти к казакам. В их преувеличенных требованиях туземцы видели право сильного, тем более что никакие клятвенные заверения их о ложных следах и о ложной присяге казаков не име-

ли никакого успеха. Справедливы ли были показания туземцев, или нет, но надобно было выйти из такого крайнего положения дела. Следовало успокоить усиливающийся общественный ропот и убедить туземцев, что взыскания за следы справедливы и неизбежны, как прямое следствие их воровства. Для достижения цели представлялось единственное средство: всякий раз как только доведены следы до известного аула, доказать жителям его, что следы эти действительны и следовательно должны быть окуплены. Моя нижеследующая циркулярная просьба к командирам полков, соприкасающихся с туземными населенными Ингушевского округа достигла весьма благих результатов: «Если у кого либо из жителей будет отбит или угнан скот и следы доведены до какого-либо аула Ингушевского округа, команда казаков, доведшая следы, должна немедленно отправить одного из всадников к Управляющему участком, которому принадлежит аул, и дать ему знать о происшествии. Управляющий участком, а за отсутствием его – исправляющий его должность обязан немедленно отправиться в аул как для того, чтобы удостовериться в действительности доведенных следов, так равно и для тщательного обыска по всему аулу в присутствии самих казаков. За неисполнение всего вышеозначенного удовлетворение не последует».

Далее отмечалось, что распоряжение дало положительные результаты – количество соответствующих дел значительно уменьшилось. «Сведения эти, – подчеркивал А. Нурид, – кроме весьма важного экономического значения, знаменательны в нравственном отношении. Они допускают мысль, что присяга, служащая основанием решения дел о следах, превратилась в орудие для обмана и породила особого рода коммерческий оборот, безнравственный и преступный. До сих пор цена отбитого скота, сомнительные следы коего доводились до известного аула, определялась, как сказано выше, присягой хозяина скота. Из сотни присяг редко какая из них указала цену менее 50-ти руб. за голову, большею же частью присяжная цена лошади от 40

до 120 и более руб., кобылы от 50 до 100, пары быков до 100 и пары бычков до 80 руб., казачий гусь ценится в 1½ руб. сереб. Цены небывалые в крае! Если подобные цены определяются присягой, понятно, что присяга обратилась в одну лишь юридическую формальность, загубив свое высокое значение. Для казаков расчет ясный: не присмотреть за вещью, бесконтрольно сдать сюда ее в ближайший аул и получить соблазнительную двойную или тройную плату. Не следует забывать, что в этой общественной аульной плате участвуют все невинные жители. Подобные поборы, подрывая благосостояние туземцев, вредно действуют и на нравственность самих казаков: непомерное вознаграждение, исключая всякую заботливость беречь свою собственность и следовательно ценить свой честный труд, ведет к барышничеству. До какой степени в делах христиан с туземцами развита ложная присяга, представляю весьма замечательный факт: У крестьянина Светикова в прошлом году отбито 4 пары быков. Ярыч Арчакову присуждено удовлетворить его. Светиков с седыми, почтенными стариками, знавшими его скот, под присягой показал цену каждой пары быков в 200 р. с., всего за четыре пары – 802 руб. Фамилия Арчаковых по неимению денег с большим трудом успела склонить претендателя принять плату скотом. Светиков за 4 пары быков получил 24 быка, 3 лошади и 128 руб. деньгами. Целое стадо! Этот резкий пример и не мало ему подобных заслуживает серьезного внимания. Он способен вызвать злобу не только в душе туземца, систематически разоряемого, но и возбудить справедливое негодование в самом кротком сердце человека, совершенно постороннего в делах. Подобная система взысканий, безусловно, ведет к быстрому и полному разорению туземцев. Наконец, отысканы были настоящие правила, утвержденные Главнокомандующим еще в ... году для руководства по делам о следах. Каким образом правила эти, основанные на точном знании местных условий и освященные чувством справедливости и здравым смыслом, могли быть вытеснены

из употребления – мне неизвестно. Подобное явление можно объяснить только совершенным равнодушием к интересам туземцев» местных правителей и действия права сильного» [10, 10об.-13об.].

Судьба «дела о следах» интересна. А. Нурид предложил распространить подобное нововведение на всю область. Начальник ее Михаил Тариэлович Лорис-Меликов инициативу поддержал. Однако скоро с мест, от начальников округов области, от командующего Терским войском стали поступать депеши с возражениями по поводу реализации данного предложения. Аргументировались они ссылками на исправное исполнение аульными старшинами обязанностей по установлению «следов», а также сохранением среди туземцев склонности к похищению скота [10, 27-29, 38об.]. Александр Нурид настаивал на своем: по крайней мере, в 1866 г., уже будучи начальником Кабардинского округа, повторил свое предложение. По архивным материалам не удается проследить его судьбу.

Вместе с тем примечательно и другое. В составленном на имя начальника области рапорте и в целях наведения порядка в округе А. Нурид отмечал необходимость претворения в жизнь дополнительных изменений.

Это:

– ускорение решения поземельных вопросов путем четкой фиксации границ между округами и аулами. «Есть полюбовное распределение между аулами; но это ежегодное полюбовное размежевание вреднее самого враждебного. Всякий год во время пахоты и сенокоса в спорах соседних аулов за землю проходит золотое рабочее время, и весьма многие из жителей остаются без посевов и фуража. Кроме того, споры эти сопровождаются весьма часто самыми неприятными столкновениями. Обстоятельства эти придают поземельному вопросу весьма серьезное значение и требуют его немедленного разрешения».

– замена чеченских и дагестанских мулл в Ингушетии местными, что должно было, по его оценке, явиться гарантом

«ограждения населения округа от всех религиозных смут... а равно и для охранения жителей от алчных поборов мулл... Но цель эта вполне не может быть достигнута раньше учреждения школы», и потому вопрос о школе значился особо.

– «Докладной запиской за № 89 я просил ходатайства Командующего Войсками об открытии в Назране Школы для обучения туземных мальчиков. Считаю меру эту самую существенною и надежною для благосостояния туземного населения. Все же другие меры, предпринимаемые для развития гражданственности между туземцами, как временные и случайные, не могут достигнуть положительных результатов, тем более, что оне прямо зависят от большего или меньшего знакомства с туземцами местных правителей и от больших или меньших способностей последних. В той же докладной записке я просил Начальника области об устройстве в Назране туземного лазарета» [10, 16-16об].

Были изложены предложения по наведению административного порядка и в целом водворению общественного спокойствия во вверенном его попечению округе. Это предполагало «выселение чеченцев, проживающих в большом числе в Ингушевском округе, и переселение из Чечни карабулак. Чеченцы, праздно шатаясь и разведывая о наших оплошностях как в самих станицах, так и на дорогах, служат опытными проводниками всем хищникам, являющимся в округе из Чечни, наводят их на добычу и скрывают следы их преступлений... Возвращение из Чечни всех беглых, совершивших преступления в Ингушевском округе, и ныне пользующихся неограниченной хищной свободой под покровительством почетных туземцев, состоящих на русской службе. Это феноменальное административное явление парализует все меры, предпринимаемые в Округе к достижению спокойствия и безопасности. В большей части преступлений, по свидетельству лазутчиков, беглые – главные участники действительно: им стоит только перешагнуть за черту округа и они у себя дома, на своей нейтральной земле, без-

наказанны и свободны. Даже кр(е)пость Грозная, центр управления Чеченского округа, не лишена исключительных прав нейтральной территории. Все воровства, грабежи и разбои тяготеют к Чечне, как к стране безусловной свободы и спасения... Административную ссылку за воровство и грабежи, принятую в Ингушевском округе, необходимо применить за те же самые преступления и к жителям других округов. Вопрос этот рассматриваю только в отношении к Ингушевскому округу. Его топографическое положение и те особенности, о которых я в прошлом году доносил командующему войсками, представляют немалый соблазн для хищников из всех племен, населяющих область. Если бы всех туземцев, участвующих с ингушами на воровстве и грабежах, не разбирая племени, подвергать ссылке из края, было бы несравненно менее охотников приезжать в Ингушевский округ в гости с приглашением на ночные хищнические похождения. Случающиеся ныне в Ингушевском округе грабежи прекратились бы более чем на половину» [10, 17об.-18].

Заканчивался же рапорт такими словами: «Но самой главной и существенной заботой должно быть соблюдение полной равноправности между туземцами и казачками как между подданными одного государства. Преобладание казаков над туземцами преимущественно в отношении местных судебных прав и по взысканиям, служит главным разъединяющим началом. Как право сильного, оно вызывает в покоренном народе дикие страсти и скопляет в душе его затаенную ненависть и вражду к казачкам. Я знаю столкновения казаков с туземцами в самом худшем их виде, и убежден, что самая великая проницательность не может ничего выдумать сильнее нынешнего положения дел для окончательного нравственного разъединения туземцев с русскими, если только казаки не будут побуждены изменять свои беспощадные отношения к туземцам» [10, 18об.-19].

Данная формулировка и сподвигла меня написать об этом человеке. Человеке не только «хорошо знакомом с туземным

бытом и пользовавшимся громадным авторитетом в среде горского населения», как было написано в некрологе о нем в главном печатном органе Северного Кавказа той поры, но и о гражданине, который неравнодушно относился к имевшим место в окружающем его пространстве социальным и политическим явлениям. Вполне очевидно, что в его взглядах на действительность отразилось происхождение из покоренных империей горцев. Но в не меньшей, а возможно и в большей степени на них сказалось воспитание и образование, полученное Александром Нуридом в семье полковника Бибикова. И это я хочу выделить. В свою очередь, это должно внести уточнения в представления о том, кто и с какими мыслями осуществлял присоединение Кавказа к России и покорение горцев. К тому же «удачная» карьера А. Нурида («построенная» на соучастии в борьбе с непокорными горцами) свидетельствует о том, что хотя его предложения по умиротворению края не всегда воплощались в жизнь, однако его взгляды разделяли лица из числа персон, занимавших довольно высокие посты. И, судя по всему, они достаточно хорошо знали местную конкретику и не изобретали кавказского Востока. Одновременно следует отметить, что пресловутое «хищничество» горцев имело и другую сторону, обусловленную злоупотреблениями «победителей», так что однозначные оценки к нему вряд ли приложимы.

Автор некролога написал, что Александр Нурид «был наиболее выдающимся и энергичным деятелем в создании реформ, клонившихся к умиротворению края и проведению в жизнь горцев гражданских начал» [8]. Со своей стороны также хочу подчеркнуть стремление этого человека (по крайней мере, на рассмотренном этапе его жизни и общественной деятельности, который относительно хорошо документирован) к достижению некоего гражданского согласия в близком ему и частично подчиненном крае. В этом одновременно сказывались его горское происхождение и российское воспитание. Он был переплетением разных нитей клубка, которым ока-

зался Кавказ для России в XIX столетии. В известном плане это же характеризует и сам порядок взаимоотношений империи с покоренными народами.

Такой клубок взаимоотношений между означенными субъектами сохранялся

очень долго и сохраняется до настоящего времени. И, может быть, в его распутывании сыграют роль, в целом пусть и минимальную, история жизни, общественные взгляды и предложения Александра Нурида.

-
1. Виноградов В.Б. Российскость как основа русско-кавказского совместничества (вводная к дискуссии) // **Российскость: понятие, содержание, историческая реальность** (на примере Кавказа). Армавир, 1999.
 2. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Изд. 2-е, стереотипное/Под ред. и с предисл. академика В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2008.
 3. Клычников Ю.Ю. Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...» Борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки)/Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. Пятигорск-Армавир-Славянск-на-Кубани, 2011.
 4. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб., 2008.
 5. Бобровников В.О. Изобретение исламских традиций в дагестанском колхозе // **Расы и народы**. М., 2006. Вып. 31.
 6. Пояснительная записка, составленная командующим войсками Терской области, генерал-майором Д.И. Святополк-Мирским, 6 апреля 1862 г., № 863 // **Известия СОИГСИ**. 2009. № 3 (42).
 7. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 9. Д. 15934.
 8. Н.Ф. Некролог А.А. Нурида // **Терские ведомости**. 1881. № 2.
 9. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году/Подготовка документов, введение и примечание Г.А. Кокиева. Нальчик, 1947.
 10. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия Алания-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 303.
 11. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по Северному и Восточному Кавказу. Одесса, 1882. Ч. 2.
 12. Цадаса Г. Адамы аварцев о браке и семье // **Памятники обычного права народов Дагестана XVII-XIX вв.**: Архивные материалы. М., 1965.